

ДЕРЕВНЯ МОРДОВИИ В 1946–1953 ГОДАХ**Абрамов В.К.***ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева Министерства образования и науки Российской Федерации, Саранск, e-mail: abramovvk@mail.ru*

Исследовано состояние основных сфер сельского хозяйства Мордовии в послевоенный период на основе новых статистических данных, в т. ч. ранее недоступных историкам документов из архива УФСБ РФ по РМ. Выявлено, что восстановление сельского хозяйства (посевные площади и др.) проходило здесь в условиях недостатка техники, хронического недоедания и даже голода среди населения. Основным видом оставался ручной труд. К концу 4 пятилетки в отличие от СССР в целом, сельскохозяйственный потенциал в республике не был восстановлен. Крайне низкий жизненный уровень и тяжелая морально-психологическая обстановка в деревне побуждали местное население уезжать в города и, главным образом, за пределы мордовской автономии. За пять послевоенных лет население Мордовии сократилось примерно на сто тыс. чел. (10%), а с учетом ежегодного естественного прироста примерно на 170 тыс. чел. (17%). Практически все это сокращение приходилось на сельских жителей. Таким образом, в 1946–1953 гг. в крае продолжалось обнищание и деградация деревни.

Ключевые слова: Мордовия, сельское хозяйство, деревня, 4 пятилетка, голод, сокращение населения

MORDOVIAN VILLAGE IN 1946–1953**Abramov V.K.***Ogarev Mordovia State University, Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Saransk, e-mail: abramovvk@mail.ru*

The article is devoted to the state of the main areas of agriculture in Mordovia of the postwar period. The research is based on new statistics including previously inaccessible to historians documents from the archives of the FSB Department of the Russian Federation in the Republic of Mordovia. It was found that the reconstruction of agriculture (crop areas, etc.) was marked with the lack of equipment, constant malnutrition and even famine among the population. The main type of labor remained manual. In contrast to the Soviet Union as a whole, the agricultural potential of the republic had not been reconstructed by the end of the fourth five-year plan. The extremely low standard of living and heavy moral and psychological environment in the village forced the local population to leave for cities and mainly outside the Mordovian Autonomy. Over the five years after the war the population of Mordovia decreased by approximately 100 thousand people (10%), and taking into account the annual natural increase it decreased by approximately 170 thousand people (17%). Practically, this decline came from the villagers. Thus, in 1946–1953 the village in Mordovia continued to grow poor and degraded.

Keywords: Mordovia, agriculture, village, fourth five-year plan, hunger, depopulation

Отечественная историография закономерно и активно исследует источники победы нашей страны во 2 мировой войне. Меньше внимания уделяется послевоенному ее состоянию, особенно в области сельского хозяйства. Развитие этой сферы можно проследить на примере Мордовии, используя статистические источники, в т.ч. из архива УФСБ РФ по РМ. Здесь, как и по всей стране, восстановление экономического потенциала проходило в условиях недостатка рабочих рук, физической и моральной усталости населения, хронического недоедания или даже голода. По данным МГБ МАССР с апреля 1940 г. и до сентября 1950 г. в земельном с/х фонде Мордовии произошли следующие изменения (таблица):

За указанный период произошло существенное уменьшение фонда распаханых земель. В два раза, сократилась площадь садов и на 11,4% огородов. Около 20 тыс. практически выведенных из с/х оборота гектаров перешли в выгоны и пастбища (скрытая форма потерь) и более 80 тыс. га

дополнительно были заброшены. Посевы за годы войны сократились на 30 процентов.

По плану 4 пятилетки предусматривалось восстановить довоенный уровень посевных площадей, увеличить ежегодный валовой сбор зерна до 59 млн пуд (360,2 тыс. т), картофеля – до 25 млн пуд (152,6 тыс. т), сырья для производства пеньки – до 500 тыс. пуд (около 30,5 тыс. т). Поголовье лошадей по сравнению с 1945 г. должно было возрасти на 60,7%; КРС – на 54,7%, овец и коз – на 86%, свиней – более чем в 4 раза [4].

В деревню возросли поставки техники. С января 1945 г. по август 1950 г. к имеющимся в Мордовии 3066 тракторам и 781 зерноуборочным комбайнам добавились 1400 тракторов и около 500 комбайнов [2, 265]. За этот же срок вышло из строя около семисот тракторов и более двухсот комбайнов [1, 29], что свидетельствовало об их невысоком качестве. В 1945 г. на 1 трактор приходилось около 425 га пашни, а на 1 комбайн – около 1670 га. Тогда как даже в рамках соцсоревнования Мордовии,

Куйбышевской и Пензенской областей на 1946 г. брались обязательства выработать на 1 трактор 135 га [10, 2]. К 1950 г. эта нагрузка соответственно уменьшилась до 350 и 1220 га, но, все равно, была далека от оптимальной. При этом необходимо учитывать, что из приведенного количества тракторов и комбайнов, числившихся на бумаге, многие были неисправны. Например, в спецсообщении Министра внутренних дел Председателю Совета Министров Мордовской АССР в 1946 г. по Пушкинской МТС Кадошкинского района указывалось, что «...отправленные в колхозы комбайны в большинстве своем не работают» [5, 738]. Даже, в 1950 г. только 35% посевной площади уби-

ствовал неурожаем 1946 г. К весне погибли десятки тысяч гектаров озимых посевов, а летом началась засуха. Считается, что в Мордовии «погибла почти половина посевных площадей озимых и яровых культур» [9, 373]. Большинство колхозов получили низкие урожаи, не выполнили государственные планы по заготовке зерна и не обеспечили себя семенами. Следует подчеркнуть, что, как и в 1920–1921 гг. на урожайность 1946 г. повлияла не только засуха, но и общая разруха, вызванная войной. Недостаток техники и рабочих рук обусловил плохое качество обработки земли и затягивание периода сева, что уже само по себе негативно сказывалось на урожай-

Изменение структуры земельного с/х фонда Мордовии в 1940–1950 гг.*

Показатель, тыс. га	На IV 1940 г.	%	На I/I 1945 г.	%	На I/III 1950 г.	%
Пашня	1370,7	53,0	1333,7	51,3	1303,4	50,2
Усадьбы (огороды)	93,7	3,6	80,3	3,2	83,0	3,2
Сады	10,9	0,4	11,2	0,4	5,9	0,2
Сенокосы	134,2	5,2	134,6	5,2	127,8	4,9
Выгоны и пастбища	141,6	5,5	166,6	6,4	161,8	6,2
Леса	642,7	24,8	630,3	24,3	630,3	24,3
Кустарники	48,1	1,9	56,2	2,1	56,2	2,2
Болота, неудобные и заброшенные земли	146,0	5,6	184,0	7,1	228,5	8,8
Весь с/х фонд**	2587,9	100	2596,9	100	2596,9	100
Посевные площади	960,1	100	671,7	70,0	912,3	95,0

Примечание. * Табл. сост. по: Архив УФСБ РФ по РМ. Д. 20–41. Л. 13; Д. 31–2. Л. 28; Д. 36–69. Л. 28. ** В 1946–1953 гг. площадь МАССР увеличилась с 25,9 тыс. кв. км. до 26,1 тыс. кв. км.

ралось с помощью комбайнов [6, 224].

Не удалось выполнить план и по увеличению поголовья лошадей, которые в известной мере могли бы заменить технику. По сравнению с 1945 г. их число к 1950 г. увеличилось лишь на 16,5 тыс. или на 47% [1, 30]. Таким образом, основным видом труда в сельском хозяйстве Мордовии во второй половине 1940-х и даже в начале 1950-х гг. оставался ручной труд. Следствием явилось невыполнение плана достижения предвоенного уровня посевных площадей. План не удалось выполнить так же ни в одной сфере животноводства. По официальным данным в 1950 г. в Мордовии числилось 264,4 тыс. КРС, в т. ч. 129,8 тыс. коров; 392,1 тыс. овец и коз и 99,7 тыс. свиней, или, соответственно, КРС больше на 16,1%; в т.ч. коров – на 5,9%; овец и коз – на –0,5%, чем в 1945 г. [7, 48]. Более или менее приблизились к выполнению плана по поголовью свиней – в 3,4 раза.

В значительной мере тяжелому положению в сельском хозяйстве края способ-

ности. Этот процесс шел по всей стране. В Мордовии он имел особо острое проявление из-за преимущественно аграрного характера экономики республики. Тем не менее, власти методами продрозверстки принудили «сдать государству 52% урожая – больше, чем сдавала Мордовия в годы войны» [6, 243]. Во многих селах начался голод.

Вот некоторые выдержки из докладных записок и «спецсообщений», поступивших в Совмин РСФСР летом 1946 г. из Мордовии: «Проверкой установлено ухудшение материально-бытового положения многих семей воинов в Мордовской АССР. Число остро нуждающихся семей военнослужащих по сравнению с прошлым годом увеличилось на 14 тысяч... Многие семьи терпят серьезные лишения. В Большеигнатовском районе остро нуждающихся в продовольствии 45% семей. Такое же положение в ряде других районов. Секретарь Рыбчинского райкома партии в июне с. г. телеграфировал в Совет Министров МАССР и обком

ВКП(б): «Ежедневно в райком обращаются сотни голодных с просьбой об оказании помощи». В Ардатовском, Ичалковском, Большеигнатовском и других районах семьи военнослужащих, впавшие в крайнюю нужду, собирают милостыню ... В Ардатовском районе ряд семей воинов в момент проверки болели на почве истощения. По данным Министерства здравоохранения МАССР на 6 июля с. г. зарегистрировано 1968 случаев заболевания дистрофией, из которых 256 госпитализированы...» [5, 729–730].

Более конкретные сведения содержались в письмах из республики родственникам, служившим в армии. Только в июне 1946 г. военная цензура МГБ Мордовии «выявила» 387 писем, иллюстрирующих катастрофическое положение сельских жителей. Эти письма, посланные из разных районов Мордовии, являются вполне репрезентативной выборкой, характеризующей общее состояние деревни края. Вот, например, три письма, соответственно, из русского и двух мордовских (эрзянского и мокшанского) сел: «Отправитель: Слепова, с. Инсар, Пролетарская ул., 29 Инсарского района.

Получатель: Слепов А.И., г. Тирасполь, в. ч. 15415. 3 июня 1946 г. «...Жизнь моя ухудшается. Недавно ко мне приходил сельский председатель и требовал с меня 360 руб. налог, но ведь я не облагаюсь, так как сама инвалид II группы, дети учатся, а Вы в Армии, отец погиб на фронте. Он ломает замок и ищет, что взять. Тут, сынок, пошло такое безобразие. Начальники остервенели и ничего не признают. Приходят, снимают замок и берут, что им надо».

Отправитель: Явкин П., с. Кельвядни Ардатовского района.

Получатель: Явкин М.П., п. п. – 43646 «А».

7 июня 1946 г. «...Дорогой сынок, 6 июня к нам пришли из сельсовета и хотели отобрать овец за заем. Мама не хотела отдавать, ее избili. Больше бил секретарь сельсовета, также избili и Ваську, за мою старую работу, хотя это незаконно. Они были пьяные. Миша, я попрошу тебя написать жалобу в райком и прокурору. Изложи им, как Вы защищали Родину, и как я работал за Сов. власть, и как работаю. У меня весь интерес отпал к работе».

Отправитель: Фокина А.З., с. Каргашино Zubovo-Полянского района.

Получатель: Фокин А.К., п. п. – 70634 «Б».

8 июня 1946 г. «...У нас взяли корову и 3 овцы. Прошу тебя обратиться в Верховный Совет, чтобы разобрать точнее дело, потому что у нас совершенно не обращают внимания. Не может быть, чтобы за 165 яиц осудили на 12000 рублей и за это взяли корову, овец и другое...» [5, 735–736].

Разумеется, эти письма были задержаны военной цензурой и до адресатов не дошли. Следует отметить, что указанные действия сельских начальников инициировались сверху, для выполнения плана поставок продовольствия и «добровольных» взносов в государственный заем.

Необходимо также подчеркнуть, что в данных документах речь шла только о семьях военнослужащих, о которых власти по политическим причинам должны были заботиться в первую очередь. Что же касается остальных семей, в т.ч. тех, чьи кормильцы погибли на войне, то их положение было намного хуже. Вот выдержка из спецсообщения МВД МАССР в Правительство республики от 17 июля 1946 г. о положении, например, в Краснослободском районе: «В Краснослободском районе МАССР из-за отсутствия у населения хлеба создано крайнее напряженное положение и оно особо ощущается в сельсоветах: Мордовско-Паркинском, Слободско-Дубровском, Потяшинском, Куликовском, Селищенском и некоторых других... По району насчитывается около тысячи человек больных дистрофией в последней стадии...» [5, 733]. Автору не удалось пока выяснить количество людей, погибших от голода в Мордовии в 1946–1947 гг., от которого в СССР тогда умерло около 1 миллиона человек [3, 682].

Сталинское руководство, заключившее в это время договоры на поставку в зарубежные страны 2,5 млн т. зерна пыталось решить проблему административными и репрессивными мерами. 19 сентября 1946 г. вышло Постановление ЦК (ВКП(б)) и Совета Министров СССР «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». В нем говорилось о нарушениях, заключавшихся «в неправильном расходовании трудодней, расхищении общественных земель колхозов, в растаскивании колхозной собственности, злоупотреблениях со стороны районных и других партийно-советских работников...» и т.д.

Власти Мордовии организовали сельские, районные и республиканские комиссии по выполнению пунктов этого постановления, которые к началу 1947 г. проверили 1590 колхозов. По пунктам «неправильного расхода трудодней и растаскивания колхозной собственности» колхозам в этот период было возвращено 650 т. зерна и 1792 тыс. руб. или, соответственно, около 4 ц зерна и 1230 руб. на колхоз, что финансово даже не оправдывало работу указанных комиссий. Сжатие раздутых штатов, конечно, было необходимо. Комиссии вынесли решения о сокращении 2684 чел. административно-управленческого аппарата

и снятии с оплаты трудоднями 2620, как не имеющих никакого отношения к колхозному производству [9, 374] или, примерно, по 1,6 чел. на колхоз. Понятно, что такая мера имела, прежде всего, декоративное и пропагандистское значение.

Большее воздействие на колхозников оказало выполнение пункта о «расхищенных» общинных землях, который, по сути, повторял Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 27 мая 1939 года «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Из возвращенных колхозам 18 тыс. га [2, 265] большую часть составляли огородные участки селян. Крестьяне лишились до 15% усадебных земель (вместе с землей под садами), что, конечно же, только усугубило их тяжелое продовольственное положение. В то же время эти 18 тыс. га составляли лишь 1,2% пашенного фонда колхозов и весьма мало могли повлиять на подъем в них производства сельскохозяйственных продуктов.

Под лозунгом против «разбазаривания» общественных земель и колхозного имущества, личные подсобные хозяйства были обложены высокими налогами. Каждое фруктовое дерево облагалось налогом, что привело к массовой вырубке садов. Были значительно повышены налоги с доходов от продаж на рынке. Сама рыночная торговля крестьянам разрешалась лишь после того, когда их колхозы выполняли государственные поставки. Каждое хозяйство было обязано сдавать государству за земельный участок мясо, молоко, яйца, шерсть.

В Постановлении также говорилось о злоупотреблениях, выражающихся в растаскивании колхозной собственности, со стороны районных и других партийно-советских работников, в виде взятия у колхозов бесплатно или за низкую плату колхозного скота, зерна, семян, кормов, мяса, молока, масла, меда, овощей, фруктов и т.п.; указывалось на то, что «Некоторые советско-партийные и земельные районные работники вместо того, чтобы строго охранять общественную собственность, как основу колхозного строя, грубо нарушают советские законы и, злоупотребляя своим служебным положением, незаконно распоряжаются имуществом, натуральными и денежными доходами колхозов, принуждая правления и председателей колхозов выдавать им бесплатно или за низкую цену имущество, скот и продукты, принадлежащие колхозам». Сетовалось, что «... имеет место безответственное отношение к расчетам с колхозами со стороны ряда государственных и других организаций, когда причитающиеся колхозам деньги за поставляемую и продаваемую колхозами продук-

цию или произведенные колхозами работы своевременно не выплачиваются, что расширяет хозяйство колхозов». И т.д. Работники партийных и государственных органов «винтики» административно-командной системы призывались к соблюдению «социалистической законности». Некоторые сотрудники не самого высокого ранга снимались с работы и даже привлекались к уголовной ответственности, но, конечно, изменить саму порочную систему грабительского отношения к деревне это постановление не могло. Административные меры, как известно, дополнялись репрессивными: 4 июня 1947 г. был опубликован указ: «Об «уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» по которому за кражу в колхозах и совхозах «давали» от 5 до 25 лет ИТЛ. Со 2 июня 1948 г. стало действовать секретное постановление о высылении крестьян «уклонявшихся от трудовой деятельности» (второе раскулачивание). Но все эти меры не давали результатов. Уровень жизни на селе оставался низким, а в Мордовии крайне низким.

Этот крайне низкий жизненный уровень, заставлял людей уезжать за пределы республики. Несмотря на высокий естественный прирост (в 1950 г. он составил 18,9‰; в 1953 г. – 17,7 промилле) [10, 7] население Мордовии неуклонно сокращалось. Если на 1 января 1945 г. в республике числилось около 900 тыс. чел., что вместе с оставшимися в живых солдатами – уроженцами края составляло около одного миллиона чел, то на 1 августа 1950 г. здесь жили всего 904495 чел., в т.ч. 99083 горожан и 805412 селян [1, 26]. То есть за пять послевоенных лет население Мордовии сократилось примерно на сто тыс. чел. (10%), а с учетом ежегодного естественного прироста примерно на 170 тыс. чел. (17%). Практически все это сокращение приходилось на сельских жителей. Таким образом, в 1946-1953 гг. в крае продолжались обнищание и деградация деревни.

Список литературы

1. Архив УФСБ РФ по Республике Мордовия. Д. 36–69.
2. История Мордовской АССР. В 2 т. Т. 2. – Саранск, 1981.
3. История России: учебник / Под ред. А. Н. Сахарова. – М.: Проспект, 2008.
4. Красная Мордовия, 1948. – 18 февр.
5. Мордовия. 1941-1945. Сб. док. – Саранск, 1995.
6. Мордовия. Энциклопедия в 2 т. Т. 1. – 2003.
7. Народное хозяйство Мордовской АССР. Стат. сб. – Саранск, 1958.
8. Народное хозяйство Мордовской АССР. Стат. сб. – Саранск, 1960.
9. Очерки истории Мордовской АССР. В 2 т. Т. 2. – Саранск, 1961.
10. Самарский областной государственный архив социально-политической истории. – Ф. 656. – Оп. 37. – Д. 631.